

Оглядываясь назад:

2000 – 1887

Автор

Эдвард Беллами

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, отдать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу. (И спасибо вам за это)

Вступление.

Автор Хейвуд Браун (HEYWOOD BROUN).

Многие из моих друзей-радикалов выражают определенную добрую снисходительность, когда говорят о книге "Взгляд назад" Эдварда Беллами.

"Конечно, вы знаете," говорят они, "что на самом деле это не первоклассная экономика".

И все же, в дальнейшем разговоре, я знал очень многих таких же, несколько презрительных социалистов, которые признавались: "Знаете, первое, что заставило меня задуматься о социализме, - это "Взгляд назад" Беллами".

С самого начала это была в высшей степени провокационная книга. Также, как и сейчас. Многие вопросы как настроения, так и техники еще более актуальны в 1931 году, чем в 1887-м. Критик "Бостон Транскрипт" сказал, когда роман впервые появился, новое государство, придуманное Беллами, было очень довольно неплохим, но автор потерял большую часть своей эффективности, отодвинув свою утопию на скудные пятьдесят лет вперед, и что гораздо лучше сделать это в семьдесят пятом столетий.

Это правда, что пятьдесят лет, отведенных на то, чтобы полностью изменить мир, к настоящему времени почти прошли. Не все, что было предсказано в "Оглядываясь назад", сбылось. Но смех направлен не против Беллами, а против его критики. Некоторые из вещей, которые, должно быть, казались самыми невероятными из всех для критика из "Бостон Транскрипт" в 1887 года, теперь действительно существуют.

В одном отношении Эдвард Беллами нарисовал картину современной американской жизни, которая реализована почти на сто процентов. Я был поражен, прочитав отрывок, в котором Эдит показывает музыкальное расписание Джулиану Уэсту и говорит ему выбрать, какую подборку он хочет принести по воздуху в музыкальную комнату. Это правда, что Беллами предполагал, что это вещание будет осуществляться по телефонным проводам, как это действительно имеет место сегодня на некоторых этапах национальных подключений. Но рассмотрим эту цитату:

"Он [доктор Лите] показал, как, поворачивая винт, можно увеличить громкость музыки, чтобы она заполнила комнату, или затихла до эха, такого слабого и далекого, что едва ли можно было быть уверенным, услышал ли он это или вообразил".

Это можно было бы почти целиком почерпнуть из статьи в какой-нибудь газетной радиokolонке.

Но Беллами действительно ясно видел вещи и факторы, гораздо более важные, чем возможность услышать проповедь, не посещая церковь. Многие из того, что сейчас создано в Советской России, имеет, по крайней мере, сходство с промышленной армией, описанной в этой пророческой книге. Однако коммунизм едва ли может претендовать на Беллами как на свой собственный, поскольку он неоднократно подчеркивает ненасильственные черты революции, которые он себе представлял. Действительно, в какой-то момент он утверждает, что левое движение его собственного времени препятствовало переменам из-за самих излишеств их технической философии.

В его книге нет признания переходной стадии классовой диктатуры. Он видит перемены, происходящие через общее признание недостатков капиталистической системы. Действительно, он видит точку в экономическом развитии, когда капитализм может быть недостаточно хорош даже для самого капиталиста.

Для строгого марксистского социалиста это глубокая и нелепая ересь. Но мне это не кажется фантастическим. И в мире уже произошли вещи, о которых философия Карла Маркса и не мечтала.

Момент, который я хотел бы подчеркнуть, - это распространенное мнение о том, что все радикальные движения в Америке проистекают из трудов иностранных авторов. Итак, Беллами, конечно же, был знаком с пионерской работой Маркса. И ту его часть, которая ему нравилась, он взял себе. Тем не менее, он внес свой вклад, который был полностью его собственным. Неуместно говорить, что, в конце концов, эти два человека во многом расходились во взглядах на технику, с помощью которой должен был быть создан новый мир. Разница в технике, как, к своему сожалению, знает Троцкий, может быть столь же глубокой, как и разница в принципах.

Беллами, по сути, был уроженцем Новой Англии. Его прошлое было связано с Бостоном и его отдаленными пригородами. И когда он проповедует необходимость кооперативного государства, он делает это с акцентом янки. На самом деле, он такой же коренной американец, как Норман Томас, нынешний лидер Социалистической партии в этой стране.

Я не могу признаться в каком-либо обширном интересе к истории любви, которая служит нитью для видения Беллами реконструированного общества. Но можно сказать, что это настолько ощутимая нить сахарного кристалла, что она не должна мешать ни одному читателю.

Я принадлежу к числу тех, кто впервые заинтересовался социализмом, прочитав "Оглядываясь назад", когда я был первокурсником в колледже. Это произошло в первые полгода курса, который был разработан, чтобы доказать, что все радикальные панацеи были в корне несостоятельны в своей концепции. Профессор играл честно. Осенью и зимой он приводил нам аргументы в пользу радикального движения, а весной и в начале лета приступил к их уничтожению.

Но то, что человек узнает зимой, запоминается больше, чем слова, произнесенные в тепле сонного мая и июня. Возможно, ближе к концу лекционного курса я сделал еще несколько сокращений. Все, что я могу вспомнить, - это аргументы в пользу радикальных планов. Их ложность я забыл.

Я отличаюсь от снисходительных новообращенных Беллами, потому что чувствую, что он близок к совершенно практичной и возможной схеме жизни. Поскольку большая часть фантастического качества его видения была воплощена в реальность в течение полувека, я думаю, что есть, по крайней мере, справедливый шанс, что еще пятьдесят лет подтвердят позицию Эдварда Беллами как одного из самых подлинных пророков нашего века.

Об Авторе "Оглядываясь назад", Сильвестер Бакстер (Sylvester Baxter)

"Мы просим

Проявить только нашу силу, нашу человеческую силу,

Все стартуют честно, все одинаково экипированы."

"Но когда полностью пробужден,

Когда каждая гигантская конечность восстанет,

Каждое сухожилие будет натянуто,

А огромное сердце станет быстро пульсировать,

Он встанет и будет стоять на своей собственной земле,

Тогда начнется его долгое, триумфальное шествие,

Оттуда будет датироваться его бытие".

Браунинг.

Строки великого поэта выражают цель Эдварда Беллами при написании его знаменитой книги. Эта цель воплотила бы в повседневной жизни нашей страны Великую декларацию, которая дала нам национальное существование; при равенстве возможностей дала бы человеку его собственную землю, на которой он мог бы стоять, и тем самым — раса впервые получила бы возможность беспрепятственно использовать свои Богом данные возможности — достичь прогресс беспрецедентный и изумительный.

Прошло двенадцать лет с тех пор, как написание "Оглядываясь назад" превратило одного из самых блестящих молодых американских авторов в страстного социального реформатора, чьей работе было суждено оказать огромное влияние на движение его эпохи. Его качества до сих пор проявлялись в таких романах, как "Процесс доктора Хайденхофа" и "Сестра мисс Ладингтон", а также во многих коротких рассказах, изысканных по своей образной структуре и в значительной степени отличающихся поразительно оригинальным развитием психических тем. Такие рассказы, как "Мир слепого" и "К кому это может прийти", надолго останутся в памяти читателей журналов последних двадцати лет.

"Доктор Хайденхоф" сразу же был признан психологическим исследованием необычайной силы. "Ее автор, - говорилось в английском обзоре, - прямой интеллектуальный потомок Хоторна". В Америке также не было недостатка в оценке той оригинальности и того отличия стиля, которые отличают ранние работы Эдварда Беллами. Во всем этом чувствовалась сильная доминирующая нота, пророческая о будущей деятельности автора. Эта нота была непоколебимой верой в присущую человеческой природе доброту, ощущением значения любви в ее истинном и универсальном смысле. "Оглядываясь назад", хотя и считается романом,

общеизвестен как великий экономический трактат в рамках художественной литературы.

Без этого облика она не смогла бы закрепиться так, как это было сделано; в ее композиции достаточно умелого романиста, чтобы придать книге правдоподобие и оказать мощное влияние на народное воображение. Остроумный прием, с помощью которого человек девятнадцатого века переносится в конец двадцатого, и яркое драматическое качество сна в конце книги - примеры искусства опытного романиста, которые делают произведение уникальным в своем роде. Книга также не могла бы иметь успеха, если бы мир не созрел для ее принятия. Материалы были готовы и ждали; искра зажгла огонь посреди них. С момента ее публикации прошло немногим более десяти лет, и мир полон ажиотажа, который она помогла разжечь. Это дало направление экономической мысли и форму политическим действиям.

Эдвард Беллами родился в 1850 году — почти точно в середине столетия, на последние годы которого ему суждено было так заметно повлиять. Его дом всегда был в его родной деревне Чикопи-Фоллс, штат Массачусетс, ныне являющейся частью города Чикопи, одного из группы муниципалитетов, ядром которых является Спрингфилд. Он жил на Черч-стрит в доме, который долгое время был домом его отца, любимого баптистского священника города. Его клерикальное происхождение, возможно, ответственно за его по сути религиозную натуру. Его дедом по материнской линии был преподобный Бенджамин Патнэм, один из первых пасторов Спрингфилда, и среди его предков по отцовской линии был доктор Джозеф Беллами из Вифлеема, штат Коннектикут, выдающийся теолог революционных дней, друг Джонатана Эдвардса и наставник Аарона Берра.

Он, однако, с детства перерос все ограничения секты. Но эта унаследованная черта придала его социальным взглядам ярко выраженный антиматериалистический и духовный оттенок; этическая цель доминировала в его идеях, и он считал, что просто материальное процветание не стоит того, чтобы работать ради социального идеала. Однако равенство в материальном благополучии он рассматривал как почву, необходимую для истинного духовного развития расы.

Молодой Беллами поступил в Юнион-колледж в Скенектади, но не окончил его. После года в Германии он изучал юриспруденцию и поступил в коллегия адвокатов, но никогда не практиковал. Литературная карьера привлекала его сильнее, а журналистика казалась более доступными воротами к ней. Его первый опыт работы в газете был в штате нью-йоркской "Evening Post", а из этого журнала он перешел в спрингфилдскую "Union". Помимо его поездки в Европу, путешествие на Гавайи через Панаму и возвращение через континент значительно расширили географический диапазон его знаний о мире в целом.

Примечательно, что его первое публичное выступление, сделанное перед местным лицеем в подростковом возрасте, было посвящено настроениям в отношении социальных реформ, которые предвосхитили его будущую работу. Когда "Оглядываясь назад" стал сенсацией года, газета выдвинула против мистера Беллами обвинение в том, что он "позировал ради дурной славы". Для тех, кто знает замкнутую, скромную и почти неуверенную в себе личность автора, не могло быть ничего более абсурдного. Все возможности заработать деньги на великолепной рекламе, которую давал феноменальный литературный успех, были проигнорированы. Поступали предложения о лекциях, которые быстро принесли бы состояние, редакторы журналов просили статьи и рассказы на любых условиях, которые он мог бы назвать, издатели предлагали написать новую книгу и воспользоваться случаем, чтобы выпустить том его рассказов с гарантией великолепной продажи, — ко всему этому он был поразительно равнодушен.

Два или три публичных выступления, несколько статей в "Ревьюз" и некоторое время

редакторство в "Нью Нэйшн", еженедельном периодическом издании, которое он основал в Бостоне, — таков был итог его общественной деятельности. Ко всем низменным стимулам он был так же равнодушен, как если бы был ребенком своего нового порядка столетие спустя. Множество личных друзей, которых приобрела для него его работа, знали его как обаятельную личность; и по-настоящему знать его означало любить его. Его натура была остро отзывчивой; его разговорчивый и обаятельный, быстро реагирующий на предложения, озаренный мягким юмором и иногда вспышкой игривой сатиры. Он не любил полемику, с ее пустой тратой энергии на бесполезные дискуссии, и в шутку заявил, что если по соседству с ним живут реформаторы, ему следует уехать.

Кардинальные черты романа "Взгляд назад", отличающие его от общей утопической литературы, заключается в его определенной схеме организации промышленности на национальной основе и равной доле, выделяемой всем людям в продуктах промышленности или общественном доходе, на основании того, что люди поровну распределяют бесплатные дары природы, такие как воздух для дыхания и вода для питья;

Абсолютно невозможно определить какое-либо справедливое соотношение между индивидуальными производственными усилиями и индивидуальной долей в промышленном продукте на дифференцированной основе. Книга, однако, была немногим больше, чем наброском системы, и после перерыва, посвященного непрерывным размышлениям и изучению, многие пункты требовали уточнения. Мистер Беллами посвятил свои последние годы и самые серьезные усилия по изложению экономических и этических основ нового порядка, который, по его мнению, установит естественный ход социальной эволюции.

"Равенство" - так называется его последняя книга. Это более сложная работа, чем "Оглядываясь назад", и фактически представляет собой всеобъемлющий экономический трактат на тему, которая и дала ей название. Это продолжение своего знаменитого предшественника, и его лейтмотив дан в замечании о том, что бессмертная преамбула Американской декларации независимости (характеризуемая как истинная конституция Соединенных Штатов) логически содержала все заявление о всеобщем экономическом равенстве, гарантируемом нацией коллективно ее членам индивидуально.

"Краеугольным камнем нашего государства является экономическое равенство, и разве это не очевидный, необходимый и единственно адекватный залог этих трех прав — жизни, свободы и счастья? Что такое жизнь без ее материальной основы, и что такое равное право на жизнь, как не право на равную материальную основу для нее? Что такое свобода? Как могут быть свободными люди, которые должны требовать права на труд и жизнь у своих собратьев и искать свой хлеб из рук других?

Как еще какое-либо правительство может гарантировать свободу людям, кроме как предоставляя им средства к труду и жизни в сочетании с независимостью; и как это можно было бы сделать, если бы правительство не управляло экономической системой, от которой зависят занятость и содержание? Наконец, что подразумевается под равным правом всех на стремление к счастью? Какая форма счастья, поскольку она вообще зависит от материальных фактов, не связана с экономическими условиями; и каким образом равные возможности для достижения счастья могут быть гарантированы всем, кроме как гарантией экономического равенства?"

Книга настолько полна идей, настолько изобилует наводящими на размышления аспектами, настолько богата цитируемыми частями, что формирует арсенал аргументов для апостолов новой демократии. Как и в случае с "Оглядываясь назад", гуманный и вдумчивый читатель откажется от "Равенства" и будет смотреть на окружающий мир с чувством, сродни тому, с

которым ребенок из многоквартирного дома возвращается со своей "сельской недели" к отвратительным запахам, нестройным звукам, непрекращающейся борьбе с окружающей средой.

Но написание "Равенства" было задачей, непосильной для физической силы и жизнестойкости его автора. Его здоровье, никогда не отличавшееся крепостью, полностью пошатнулось, и книга была закончена неукротимым и непоколебимым господством могущественного разума над слабеющим телом, которое было не чем иным, как героическим. Чахотка, это обычное наследство Новой Англии, развилась внезапно, и в сентябре 1897 года мистер Беллами отправился со своей семьей в Денвер, желая найти лекарство, которое он едва ли надеялся найти.

Прием, оказанный ему на Западе, где его работа встретила широкое и глубокое внимание, был одним из его последних и величайших удовольствий. Письма приходили из шахтерских лагерей, с ферм и деревень, все писатели жаждали сделать что-нибудь для него, чтобы показать свою любовь.

Исключительная скромность, о которой уже говорилось как о характеристике мистера Беллами, и полное нежелание принимать какое-либо личное и общественное признание, возможно, удержали его от осознания того факта, что его слава была международной. Но автор книги, которая за десять лет разошлась тиражом почти в миллион экземпляров в Англии и Америке и которая была переведена на немецкий, французский, русский, итальянский, арабский, болгарский и несколько других языков и диалектов, оказался не среди чужих, хотя и за две тысячи миль от дома всей его жизни.

Колорадо встретил его приезд высоко ценно и значимо, но в апреле 1898 года, когда понял, что его жизнь быстро подходит к концу, он покинул город.

Он умер в воскресенье утром, 22 мая, после месяца, проведенного в старом доме, который он страстно желал увидеть снова, оставив вдову и двух маленьких детей.

На простой службе, проведенной там, в окружении его родственников и друзей всей жизни, были прочитаны следующие отрывки из "Оглядываясь назад" и "Равенство" как подходящее выражение, по его собственным словам, той надежды на улучшение и возвышение человечества, которая была настоящей страстью его благородной жизни.

"Не сказал ли змей в старой истории: "Если вы вкусите от плода древа познания, вы будете как боги?" Обещание было правдой на словах, но, очевидно, с деревом произошла какая-то ошибка. Возможно, это было древо эгоистичного знания, или же плод еще не созрел. Эта история малопонятна. Позже Христос сказал то же самое, когда сказал людям, что они могут быть сынами Божиими. Но он не ошибся относительно дерева, которое показал им, и плод был спелым. Это был плод любви, ибо вселенская любовь - это одновременно семя и плод, причина и следствие высшего и полнейшего знания.

Через безграничную любовь человек становится богом, ибо таким образом он осознает свое единство с Богом, и все вещи кладутся к его ногам. "Если мы любим друг друга, Бог пребывает в нас, и его любовь совершенна в нас". "Любящий брата своего пребывает во свете". "Если кто скажет: я люблю Бога, а брата своего ненавидит, тот лжец". "Тот, кто не любящий брата своего пребывает в смерти". "Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге". "Всякий любящий познает Бога". "Кто не любит, тот не знает Бога".

"Вот самая суть учения Христа об условиях вступления в божественную жизнь. В этом мы

находим достаточное объяснение, почему откровение, пришедшее ко Христу так давно и к другим просветленным душам, не могло быть принято человечеством в целом до тех пор, пока бесчеловечный общественный порядок воздвигал стену между человеком и Богом, и почему в тот момент, когда эта стена была разрушена, откровение затопило земля подобна солнечному лучу.

"Если мы любим друг друга, Бог обитает в нас", и обратите внимание, как эти слова были воплощены в жизнь тем путем, которым человечество наконец обрело Бога! Помните, что это не было прямым, намеренным или сознательным поиском Бога. Великий энтузиазм человечества, который сверг старших и привел к братскому обществу, вовсе не был изначально или сознательно устремлением к Богу. По сути, это было гуманное движение. Это было таяние и излияние человеческих сердец навстречу друг другу; порыв сокрушенной, раскаивающейся нежности; страстный порыв взаимной любви и самоотдачи общему благу.

Но "если мы любим друг друга, Бог обитает в нас", и так человек нашел это. Похоже, что наступил момент, самый трансцендентный момент в истории человеческой расы, когда к братскому сиянию этого мира вновь обретенных обнимающихся братьев, кажется, примешался невыразимый трепет божественного участия, как если бы рука Бога была сжата поверх соединенных рук из мужчин. И так продолжалось по сей день и будет продолжаться вечно.

"Ваши провидцы и поэты в возвышенные моменты видели, что смерть - это всего лишь шаг в жизни, но большинству из вас это показалось трудным сказать. В наши дни, когда жизнь приближается к своему завершению, вместо того, чтобы быть омраченной мраком, она отмечена подъемом страстного ожидания, которое заставило бы молодых позавидовать старикам, если бы не знание того, что через некоторое время та же самая дверь будет открыта для них. В ваши дни жизнь, по-видимому, была наполнена невыразимой грустью, которая, подобно стону моря для тех, кто живет рядом с океаном, становилась слышимой всякий раз, когда на мгновение прекращались шум и суета мелких забот. Теперь этот оттенок настолько ликующий, что нам еще предстоит его услышать.

"Вы спрашиваете, что мы ищем, когда уйдет бесчисленное количество поколений? Я отвечаю, путь простирается далеко перед нами, но конец теряется в свете. Ибо двояким является возвращение человека к Богу, "который есть наш дом", возвращение индивидуума путем смерти и возвращение расы путем завершения ее эволюции, когда божественная тайна, скрытая в зародыше, будет полностью раскрыта. Со слезами по темному прошлому обратимся мы тогда к ослепительному будущему и, прикрыв глаза, устремимся вперед. Долгая и утомительная зима гонки закончилась. Его лето началось. Человечество разорвало куколку. Небеса находятся перед этим".

Есть те, кто решительно возражает против идеалов Эдварда Беллами на том основании, что они основаны не на чем ином, как на чисто материальном благополучии. В присутствии вышеприведенного высказывания могут ли они сохранять такое отношение?

АВТОРСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Историческая секция колледжа Шаумут, Бостон,

26 декабря 2000 года.

Живя так, как мы живем в последний год двадцатого века, наслаждаясь благами социального порядка, одновременно настолько простого и логичного, что это кажется всего лишь торжеством здравого смысла, а в значительной степени историческими, несомненно, трудно

осознать, что нынешняя организация общества является, появилась меньше ста лет. Однако ни один исторический факт не является более достоверным, чем тот, что почти до конца девятнадцатого века существовало общее убеждение, что древней промышленной системе, со всеми ее шокирующими социальными последствиями суждено было просуществовать, возможно, с небольшими исправлениями, до скончания веков. Насколько странным и даже невероятным кажется, что столь поразительная моральная и материальная трансформация, произошедшая с тех пор, могла быть осуществлена за столь короткий промежуток времени?

Готовность, с которой люди, как само собой разумеющееся, привыкают к улучшениям в своем состоянии, о которых когда-то только мечтали, не могла быть более поразительно проиллюстрирована. Какое размышление могло бы быть лучше рассчитано на то, чтобы умерить энтузиазм реформаторов, которые рассчитывают в награду за работу благодарность современников!

Цель этого тома - помочь людям, которые, желая получить более определенное представление о социальных контрастах между девятнадцатым и двадцатым веками, смущены формальным аспектом историй, в которых рассматривается этот предмет. Предупрежденный опытом учителя о том, что учеба считается утомительной для плоти, автор попытался смягчить поучительное качество книги, облекая ее в форму романтического повествования, которое он был бы рад представить не совсем лишенным интереса само по себе.

Читатель, для которого современные социальные институты и лежащие в их основе принципы являются чем—то само собой разумеющимся, может иногда находить объяснения доктора Лите довольно банальными, но следует помнить, что для гостя доктора Лите они не были чем—то само собой разумеющимся, и что эта книга написана с явной целью побуждая читателя на время забыть, что они для него таковы. И еще пару слов. Почти универсальной темой писателей и ораторов, прославлявших эту двухтысячелетнюю эпоху, было будущее, а не прошлое, не прогресс, который был достигнут, но прогресс, который будет достигнут, всегда вперед и ввысь, пока раса не достигнет своей невыразимой судьбы. Это хорошо, совершенно хорошо, но мне кажется, что нигде мы не сможем найти более прочной основы для смелых прогнозов развития человечества в течение следующей тысячи лет, чем "оглядываясь назад" на прогресс последних ста.

Автор надеется, что этой книге посчастливится найти читателей, чей интерес к предмету побудит их не обращать внимания на недостатки изложения, и они оставят возможность мистеру Джулиану Уэсту говорить за себя.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/83668/2678307>